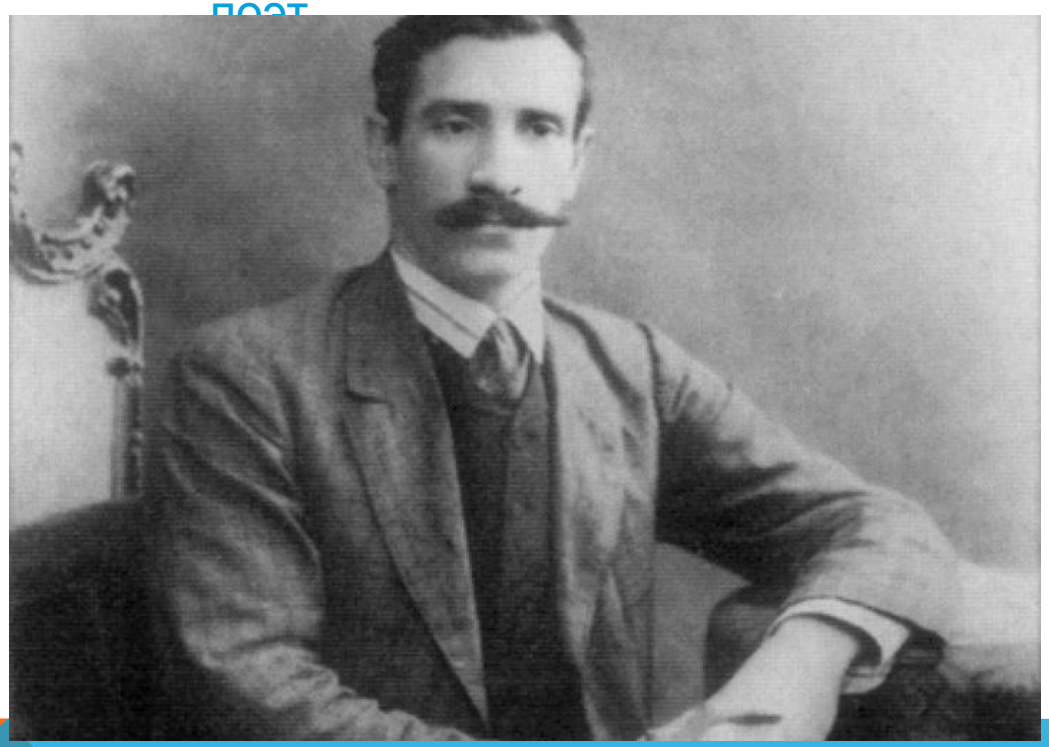
АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН

ВЫПОЛНИЛА: ПРОНИНА Н.Р.

Александр Грин
(настоящее имя **Александр Степанович Гриневский**)

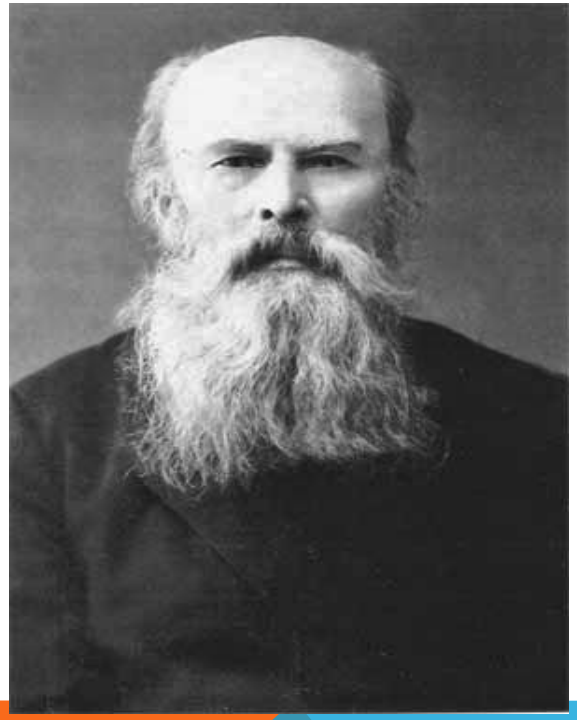
русский писатель-прозаик ,
поэт



РОДИЛСЯ 11 (23) АВГУСТА 1880 ГОДА В ГОРОДЕ СЛОБОДСКОМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ.

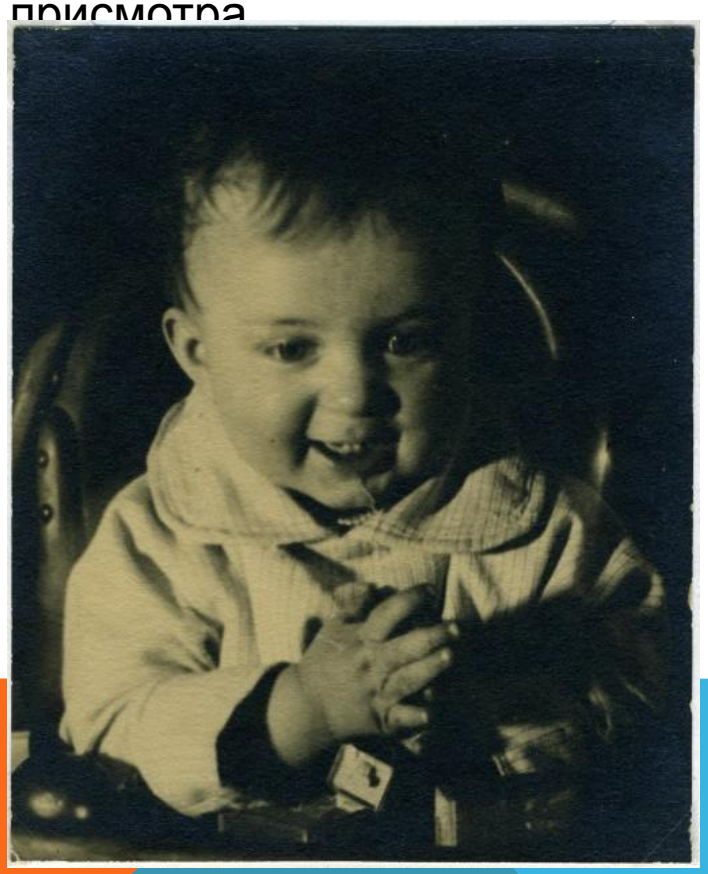
РОДИТЕЛИ АЛЕКСАНДРА

ОТЕЦ — СТЕФАН ЕВЗИБИЕВИЧ (СТЕПАН ЕВСЕЕВИЧ) ГРИНЕВСКИЙ, ПОЛЬСКИЙ ШЛЯХТИЧ ИЗ ДИСНЕНСКОГО УЕЗДА ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

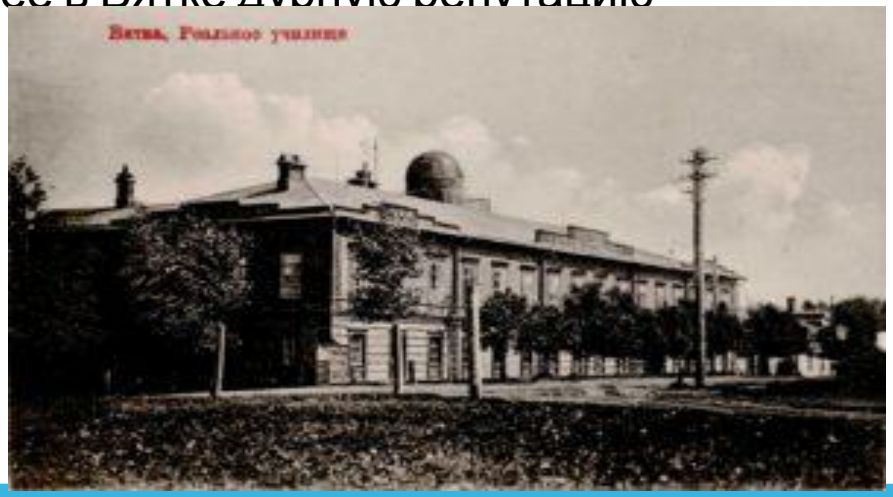


АННА СТЕПАНОВНА ГРИНЕВСКАЯ, МАТЬ

Саша научился читать в 6 лет, и первой его прочитанной книгой стала «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. С детства Грин любил книги о мореплавателях и путешествиях. Мечтал уйти в море матросом и, движимый этой мечтой, делал попытки убежать из дома. Воспитание мальчика было непоследовательным — его то баловали, то строго наказывали, то бросали без присмотра.



В 1889 году девятилетнего Сашу отдали в подготовительный класс местного реального училища. Там соученики впервые дали ему прозвище «*Грин*». В отчёте училища отмечалось, что поведение Александра Гриневского было хуже всех остальных, и в случае неисправления он может быть исключён из училища. Всё же Александр смог окончить подготовительный класс и поступить в первый, но во втором классе он написал оскорбительное стихотворение об учителях ,и 15 октября 1892 года был-таки из училища исключён. По ходатайству отца Александр вскоре был принят в другое училище, имевшее в Вятке дурную репутацию.



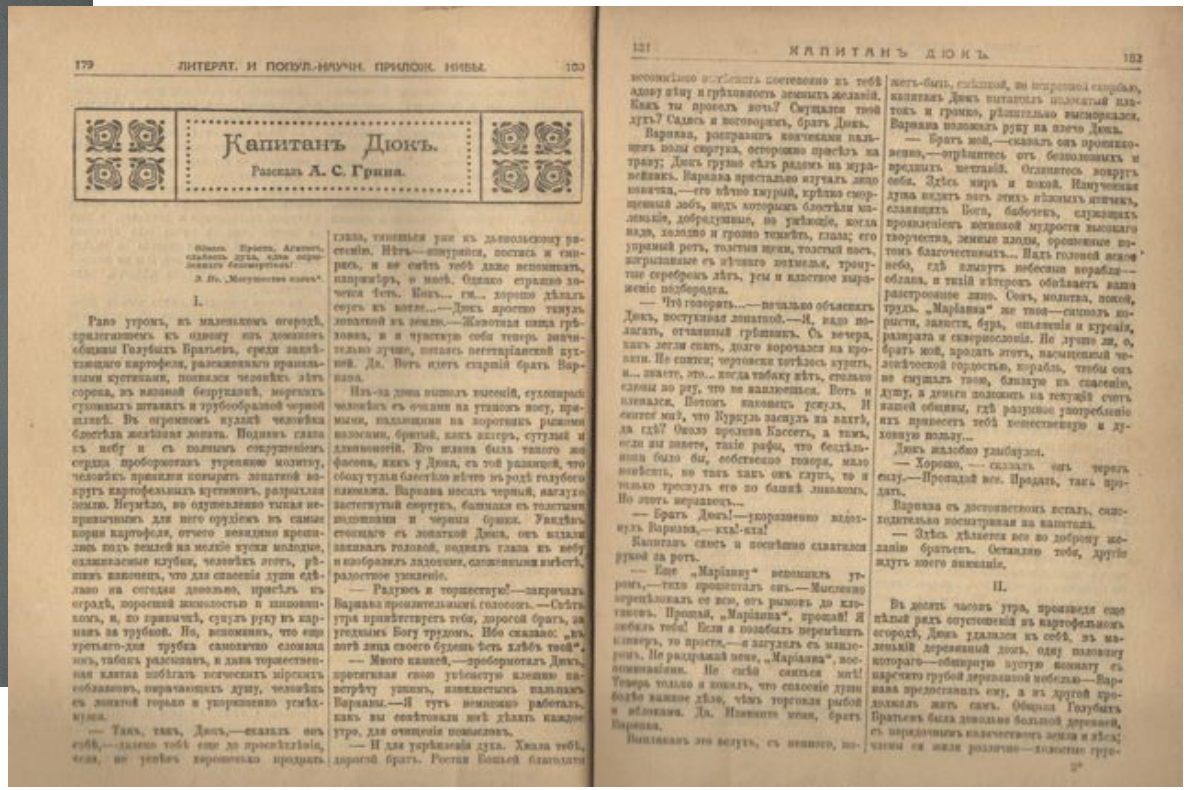
В 15 лет Саша остался без матери, умершей от туберкулёза. Спустя 4 месяца (май 1895 года) отец женился на вдове Лидии Авенировне Борецкой. Отношения Александра с мачехой были напряжёнными, и он поселился отдельно от новой семьи отца. Мальчик жил в одиночестве, увлечённо читая книги и сочиняя стихи. Подрабатывал переплётом книг, перепиской документов. С подачи отца увлёкся охотой, но из-за импульсивного характера редко возвращался с добычей.

В 1896 году, по окончании четырёхклассного Вятского городского училища, 16-летний Александр уехал в Одессу, решив стать моряком. Отец дал ему 25 рублей денег и адрес своего одесского друга. Некоторое время он бродяжничал в безуспешных поисках работы и отчаянно голодал. В конце концов, он обратился к другу отца, который накормил его и устроил матросом на пароход «Платон», курсировавший по маршруту Одесса — Батум— Одесса.

В 1897 году Грин отправился назад в Вятку, провёл там год и снова уехал на поиски счастья в Баку. Там он перепробовал много профессий. Был рыбаком, чернорабочим, работал в железнодорожных мастерских. Летом вернулся к отцу, затем снова ушёл в странствия. Был лесорубом, золотоискателем на Урале, шахтёром на железном руднике, театральным переписчиком.

В марте 1902 года Грин прервал череду странствий и стал солдатом в 213-м Оровайском резервном пехотном батальоне, расквартированном в Пензе. Нравы воинской службы существенно усилили революционные настроения Грина. Получил партийную кличку «*Долговязый*»,

Начало творчества (1906—1917)



179 ЛИТЕРАТ. И ПОПУЛ.-НАУЧН. ПРИЛОЖ. НИВЫ. 180

Капитанъ Дюкъ.

Разсказъ А. С. Грина.

I.

Рано утромъ, въ маленькомъ огородѣ, прилегающемъ къ одному изъ домиковъ общины Голубыхъ Братьевъ, среди зацвѣтающаго картофеля, разсаженнаго правильными кустиками, появился человѣкъ этой секты, въ низкой безрукавкѣ, мерлушковыхъ штанахъ и трубообразной черной шляпѣ. Въ огромномъ кулакѣ человѣка блестѣла желѣзная лопата. Подавъ глаза къ небу и съ полнымъ сокрушеніемъ сердца проборматывъ утреннюю молитву, человѣкъ принялся копырять лопатой вокругъ картофельныхъ кустиковъ, разрыхляя землю. Нечего, по одушевленно тяжая непривычнымъ для него орудіемъ въ самые корни картофеля, отчего невидимо крошились подъ землей на мелкіе куски молодые, клубневидные клубни, человѣкъ этотъ, рѣшивъ напослѣдокъ, что для спасенія души сдѣлано на сегодня довольно, прослъ въ огородъ, поросшій жимолостью и шиповникомъ, и, по привычкѣ, сунулъ руку въ карманъ за трубкой. Но, вспомнивъ, что еще третьяго-дня трубка самосильно сломала носъ, табакъ разсыпался, и дала торжественная клятва избѣгать всѣхъ мірскихъ соблазновъ, отравляющихъ душу, человѣкъ съ лопатой гордо и укоризненно усмѣхнулся.

— Такъ, такъ, Дюкъ,—сказалъ онъ себѣ,—плохо тебѣ еще до просвѣтленія, чувствуешь, не увѣренъ хорошенько продавить глаза, тянущіяся уже къ дальнозоркому рассѣянію. Нѣтъ—оцарайся, постись и смиряясь, и не смѣетъ тебѣ даже вспоминать, напримѣръ, о мясѣ. Однако странно хочется ѣсть. Кокъ... гм... хорошо дѣлалъ сварь къ котлу...—Дюкъ простно тянулъ лопатой къ землю.—Животная пища грѣховна, и я чувствую себя теперь значительно лучше, попавъ вегетаріанской кухней. Да. Вотъ идетъ старшій братъ Варнава.

Изъ-за дома вышелъ высокій, сухопарый человѣкъ съ очками на тупомъ носу, прямыми, падающими на воротникъ рясы волосами, бритый, какъ актеръ, сутулый и длинноногій. Его шляпа была такого же фасона, какъ у Дюка, съ той разницей, что сбоку тулья блестѣла вѣточкой изъ рода голубого плюмажа. Варнава несъ черный, застегнутый сюртукъ, башмаки съ толстыми подошвами и черныя брюки. Увидѣвъ стоящаго съ лопаткой Дюка, онъ вздохнулъ головой, поднялъ глаза къ небу и изобразилъ ладонями, сложенными вмѣстѣ, радостное умиленіе.

— Радуюсь и торжествую!—закричалъ Варнава пронзительнымъ голосомъ.—Свѣтъ утра привѣтствуетъ тебя, дорогой братъ, за угоднымъ Богу трудомъ. Ибо сказано: „въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ твой“.

— Много кашлей,—пробормоталъ Дюкъ, протягивая свою увѣсистую клешню навстрѣчу ушамъ, извлекаемымъ пальцами Варнавы.—Я тутъ немножко работалъ, какъ вы совѣтовали мнѣ дѣлать каждое утро, для очищенія помысловъ.

— И для укрѣпленія духа. Хвала тебѣ, дорогой братъ. Ростки Божьей благодати

121 КАПИТАНЪ ДЮКЪ. 122

несомнѣнно возрѣютъ плотвенно въ тебѣ, адову яму и грѣховность земныхъ желаній. Какъ ты провелъ ночь? Снизошли твой духъ? Садись и поговоримъ, братъ Дюкъ.

Варнава, разгранивъ кончиками пальцевъ полы сюртука, осторожно присѣлъ на траву; Дюкъ грузно сѣлъ рядомъ на муравѐйникъ. Варнава пристально изучалъ лицо новичка,—его мѣчно сѣрый, крѣпко сморщенный лобъ, надъ которымъ блестѣли маленькіе, добродушные, но умѣющіе, когда надо, холодно и грозно темнѣть, глаза; его упрямый ротъ, толстыя щеки, толстый носъ, загрубѣлые съ мѣсячнаго подмелья, тронутые серебромъ лѣтъ, усы и властное выраженіе подбородка.

— Что говорить...—печально объяснилъ Дюкъ, постукивая лопаткой.—Я, надо полагать, отчаянный грѣшникъ. Съ вечера, какъ легли спать, долго ворочался на кровати. Не спится; чертовски хотѣлось курить, и... знаете, это... когда табаку нѣтъ, столько одинъ по другъ, что не вавлюешься. Вотъ и плевался. Потомъ наконецъ уснулъ. И снится мнѣ, что Куркуль заснулъ на вахтѣ, да гдѣ? Около пролива Кассетъ, а тамъ, если вы знаете, такіе рифы, что бездѣльника было бы, собственно говоря, мало вовсѣтъ, но такъ какъ онъ глупъ, то я только треснулъ его по башкѣ линькомъ. Но этотъ неразвесъ...

— Братъ Дюкъ!—укоризненно воскликнулъ Варнава,—ахъ!-ахъ!

Капитанъ сѣлъ и поспѣшно схватился рукой за ротъ.

— Еще „Маріанну“ вспомнилъ утромъ,—тихо прошепталъ онъ.—Мысленно перецѣловалъ ее всю, отъ рымовъ до клотиковъ. Прощай, „Маріанна“, прощай! Я любилъ тебя! Если я позабылъ перемѣнить клюверъ, то прости,—я загулялъ съ мавдемъ. Не раздражай меня, „Маріанна“, воспоминаніями. Не сѣй смятеи мнѣ! Теперь только я понялъ, что спасеніе души болѣе важное дѣло, чѣмъ торговля рыбой и яблоками. Да. Извините меня, братъ Варнава.

Выплакавъ это вслухъ, съ немного, по-

жесть-быть, сѣвшимъ, но искренно скорбью, капитанъ Дюкъ вытащилъ полосатый платокъ и громко, рѣшительно высморкался. Варнава положилъ руку на плечо Дюка.

— Братъ мой,—сказалъ онъ проникновенно,—отрѣшитесь отъ безполезныхъ и вредныхъ мечтаній. Отдѣлитесь вокругъ себя. Здѣсь миръ и покой. Измученная душа видитъ тутъ этихъ пѣсенныхъ птичекъ, славящихъ Бога, бабочекъ, служащихъ проявленіемъ вѣчной мудрости высокаго творчества, земные плоды, зрѣющіе потомъ благочестивыхъ... Надъ головой всюду небо, гдѣ плывутъ небесные корабли—облака, и тихій вѣтерокъ обвѣваетъ ваше разстроенное лицо. Спи, молитва, покой, трудъ. „Маріанна“ же твоя—символъ корысти, зависти, бури, опьяненія и курсовъ, разврата и сквернословія. Не лучше ли, о, братъ мой, продать этотъ, насыщенный человѣческой гордостью, корабль, чтобы онъ не смущалъ твою, ближнюю къ спасенію, душу, а деньги положить на текущій счетъ вашей общины, гдѣ разумное употребленіе ихъ принесетъ тебѣ вожделѣнную и духовную пользу...

Дюкъ жалобно улыбнулся.

— Хорошо,— сказалъ онъ черезъ силу.—Пропадай все. Продать, такъ продать.

Варнава съ достоинствомъ всталъ, снисходительно посматривая на капитана.

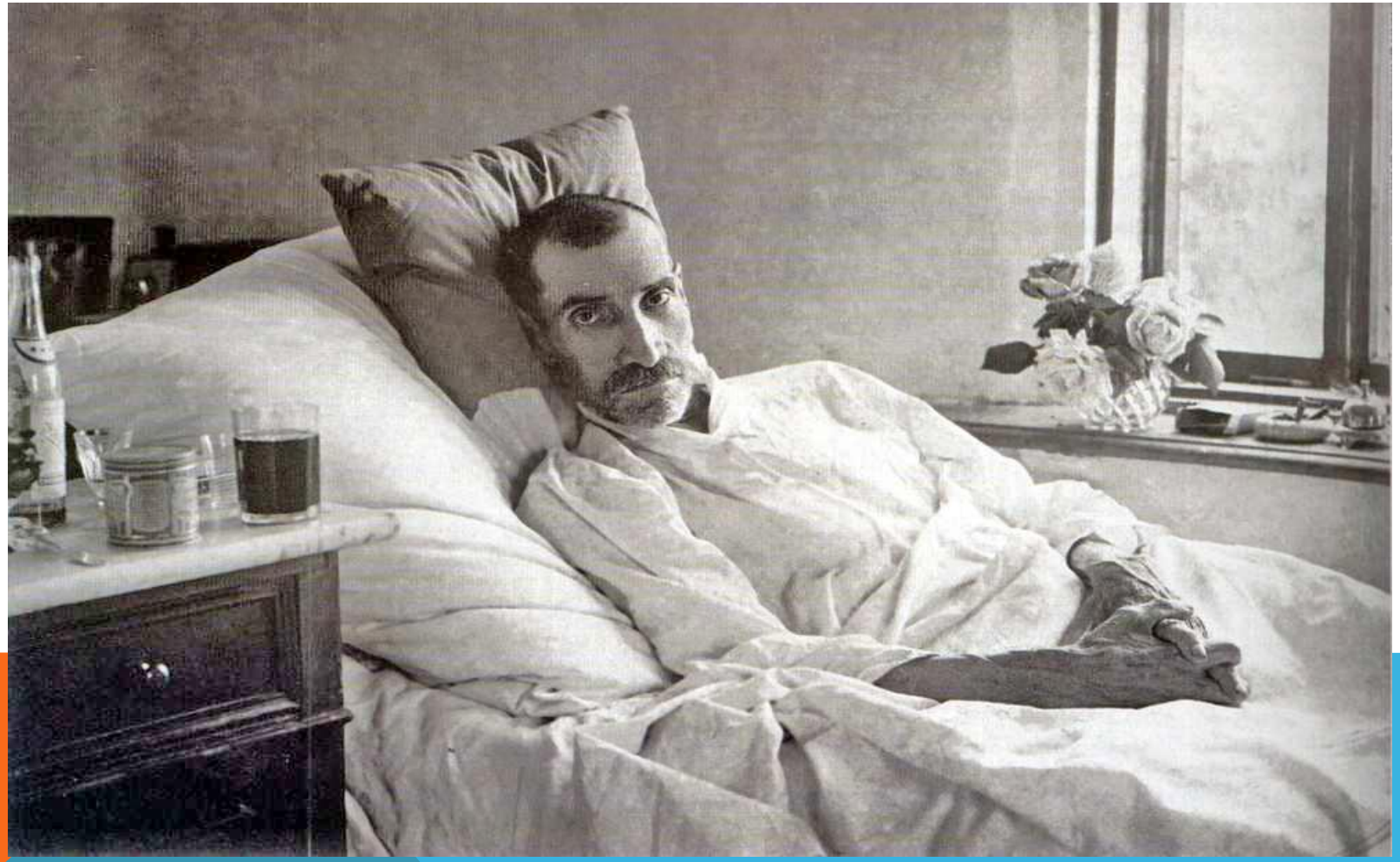
— Здѣсь дѣлается все во доброму желанію братьевъ. Оставляю тебя, другіе ждутъ моего вниманія.

II.

Въ десять часовъ утра, проведя еще пѣлый рядъ опустошеній въ картофельномъ огородѣ, Дюкъ удалился къ себѣ, въ маленькій деревянный домъ, одну половину котораго—обширную кухню комнату съ царскаго грубой деревянной мебелью—Варнава предоставилъ ему, а въ другой продолжалъ жить самъ. Община Голубыхъ Братьевъ была довольно большой деревней, съ порядочнымъ количествомъ земли и яблоками, что имѣло различіе—коллективно труже-

ТВОРЧЕСТВО А.С. ГРИНА

Александр Грин скончался 8 июля 1932 года, в 19:30 вечера, на 52-м году жизни, в Старом Крыму, от рака желудка. За два дня до смерти он попросил пригласить священника и исповедался.



Похоронен писатель на городском кладбище Старого Крыма, на месте, откуда видно море. На могиле Грина скульптором Татьяной Гагариной установлен памятник *«Бегущая по волнам».*